

УДК 342.591

Яковлев-Чернышев В. А.,

студент, Сочинский филиал

ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)», г. Сочи, Россия

© 2021

Научный руководитель: **Ратьков А. Н.,**

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Сочинский филиал

ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)», кандидат юридических наук,
доцент, г. Сочи, Россия

РОЛЬ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ В ПРАВИЛЬНОМ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОДСУДНОСТИ И ПОДСЛЕДСТВЕННОСТИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

В данной статье рассматриваются существующие подходы к определению понятий «подсудность» и «подследственность», оценивается роль Конституционного Суда РФ в разрешении спорных моментов по вопросам подследственности и подсудности. Приводятся аргументы в пользу того, что Конституционный Суд РФ оказал значительное влияние на данные институты уголовно-процессуального права.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ; подсудность; подследственность; конституционный процесс; уголовный процесс.

Годы идут, времена меняются, а актуальность вопросов подсудности и подследственности в уголовном процессе неизменна. Казалось бы, уже давно должны решиться в теории и практике данные проблемы, но они пока по-прежнему имеют место в деятельности судов и органов расследования. Не только уголовно-правовая доктрина и правоприменители пытаются разрешить данные вопросы, но и Конституционный Суд РФ (далее — КС РФ) также вынужден был обратиться к этим проблемам и в своих решениях определить правовые позиции, разрешающие спорные моменты в определении подсудности и подследственности.

Рассмотрим вначале, каким образом определяется понятие подсудности в юридической литературе. Можно выделить ряд точек зрения.

Так, М. С. Строгович полагал, что «подсудностью называется свойство дела, на основе которого определяется, какой суд компетентен рассматривать это дело» [1, с. 267]. По мнению П. А. Лупинской, «подсудность — это предписанная процессуальным законом совокупность признаков уголовного дела, по которым определяется, какой из судов будет правомочен принять данное дело к рассмотрению в качестве суда первой инстанции, рассмотреть и разрешить его» [2].

В свою очередь, О.Б. Порцева считает, что «подсудность представляет собой совокупность признаков уголовного дела, определяющих его принадлежность к ведению конкретного суда для рассмотрения дела по первой инстанции» [3, с. 8]. Стоит отметить и то, что автор подчеркивает: хоть термины «подсудность», «юрисдикция» и «компетенция» «являются родственными... понятиями..., их недопустимо использовать в качестве синонимов» [3, с. 7].

К определению понятия подсудность в литературе также есть разные подходы.

Например, И.С. Дикарев считает, что «подследственность — это отнесенность уголовного дела или материала проверки сообщения о преступлении к компетенции конкретного органа предварительного расследования» [4].

С точки зрения Л.В. Головки и О.Л. Васильева, «подследственностью принято называть свойство уголовного дела, в соответствии с которым оно относится к компетенции того или иного органа расследования» [5].

В.П. Божьев понимает под подсудностью «совокупность установленных законом признаков уголовного дела, в зависимости от которых законодатель относит его к компетенции того или иного органа предварительного расследования» [6, с. 263].

Несмотря на то, что до сих пор нет единообразного понимания, что же такое подсудность, это не мешает улавливать суть данного понятия. Однако относительно одного из видов подсудности, а именно: территориальной — возникает множество вопросов. Не случайно данная проблематика «дошла» до КС РФ, который в своем Постановлении от 09.11.2018 № 39-П [7] рассмотрел жалобу ряда граждан по вопросам, связанным с изменением территориальной подсудности.

КС РФ отметил в данном Постановлении следующие правовые позиции:

— изменение территориальной подсудности может иметь место в случае, если лицо, в отношении которого должны проходить судебные споры, занимал какое-либо высокое положение, которое могло бы подорвать доверие к объективности и беспристрастности решения суда;

— решение о передаче уголовного дела в суд иной территориальной юрисдикции (в том числе в суд, юрисдикция которого распространяется на территорию другого субъекта Российской Федерации) должно приниматься по обращению Генерального прокурора Российской Федерации или его заместителя на высшем уровне судебной системы Российской Федерации — Верховным Судом Российской Федерации.

При определении суда, в который необходимо передать уголовное дело для рассмотрения, должны соблюдаться гарантии справедливости и состязательности (включая учет мнения сторон о наличии каких-либо препятствий к передаче дела в определенный суд) и обеспечиваться принцип доступности правосудия.

Надо признать, что не все судьи КС РФ согласились с рекомендациями данного Постановления. Так, например, в своем особом мнении С.М. Казанцев счел позиции КС РФ расплывчатыми и расширительными, так как оспариваемые положения «могут быть истолкованы *contra legem* (вопреки их буквальному смыслу) как позволяющие правоприменительным органам в отдельных случаях расширять исчерпывающий перечень оснований для изменения подсудности. И несмо-

тря на то, что правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации сформулированы достаточно неопределенно, они все же позволяют сделать вывод, что по ходатайству заместителя Генерального прокурора дело, отнесенное законом к подсудности судов общей юрисдикции одного субъекта Российской Федерации, может быть передано по решению судьи Верховного Суда РФ на рассмотрение в суд другого субъекта Российской Федерации. При этом не ясно, какими критериями руководствуются органы прокуратуры и суд при определении объективной беспристрастности суда, а также в какой суд и какого субъекта Российской Федерации должно быть передано дело».

Особое мнение Ю. М. Данилова отличалось еще более высокой эмоциональностью. Главным замечанием было то, что «экстраординарных» обстоятельств нигде в Уголовно-процессуальном кодексе (далее — УПК РФ) нет, ввиду чего КС РФ, с точки зрения Ю. М. Данилова, вышел за пределы своей компетенции и начал заниматься оценением буквального смысла «несуществующей нормы». Также этим судьей КС РФ было раскритикована позиция по поводу Генпрокурора и судьи Верховного Суда, о чем писал и С. М. Казанцев. Вместе с тем Ю. М. Даниловым отмечено относительно выделенной им проблемы, что «попытка решить ее в узких рамках конкретного нормоконтроля вряд ли может привести к желаемому результату: она многогранна, требует комплексного подхода...».

На наш взгляд, вполне вероятно, что КС РФ еще придется вернуться к данному вопросу и сформировать новые позиции. Ведь до сих пор остаются неразрешенными спорные вопросы, связанные, например, с подсудностью «уголовных дел о преступлениях, место совершения которых не определено (совершение преступления в транспортном средстве во время его движения между населенными пунктами или субъектами РФ, например)» [8, с. 106] или с определением места совершения преступления, когда оно совершается с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [9].

Переходя, в свою очередь, к подследственности, нужно отметить важное Постановление КС РФ от 20.07.2012 № 20-П [10], в котором заявительницей оспаривались положения ч. 1 ст. 125 и ч. 1 ст. 152 УПК РФ из-за того, что, по ее мнению, данные нормы «позволяют произвольно устанавливать территориальную подсудность дел..., допуская определение в качестве места производства предварительного расследования не только место совершения преступления, но и место принятия следователем обжалуемого процессуального решения либо местонахождение следственного органа, осуществляющего это предварительное расследование».

В решении по результатам рассмотрения этой жалобы, в частности, КС РФ указал, что:

— неоднозначность подхода к определению территориальной подсудности жалоб на решения и действия (бездействие) должностных лиц межрайонных следственных отделов при производстве предварительного расследования, которая позволяет устанавливать подсудность конкретной жалобы исходя из места производства предварительного расследования, понимаемого как место расположения осуществляющего его органа (которое, в свою очередь, зависит от обстоятельств организационного, материально-технического или иного подобного характера), создает предпосылки для нарушения конституционного принципа равенства при

реализации права на доступ к правосудию и судебную защиту в отношении граждан, обжалующих решения и действия (бездействие) должностных лиц межрайонного следственного отдела, юрисдикция которого распространяется на территорию, где совершено преступление, но место расположения которого находится за пределами административного района, где совершено преступление;

— прямое увязывание подсудности жалоб на решения и действия (бездействие) осуществляющих производство предварительного расследования должностных лиц межрайонных следственных отделов с местом их расположения ... создает нормативные предпосылки для умаления прерогатив законодательной власти по определению подсудности рассмотрения дел и прерогатив власти судебной по осуществлению правосудия, реализации ею функции судебной защиты и тем самым — для нарушения требования статьи 10 Конституции Российской Федерации о самостоятельности органов каждой из ветвей государственной власти в реализации своих функций и полномочий.

Часть 1 ст. 125 и ч. 1 ст. 152 УПК РФ были признаны не соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой они «порождают возможность их неоднозначного истолкования и, следовательно, произвольного применения при определении территориальной подсудности жалоб на решения и действия (бездействие) должностных лиц...».

На самом деле немало вопросов вызывает в данном случае ч. 8 ст. 152 УПК РФ, в которой прописано, что «споры о подсудности уголовного дела разрешает прокурор». Причем в ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [11] говорится о том, что прокуратура осуществляет в том числе «надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие». Следовательно, данные коллизии с подсудностью и местом рассмотрения жалобы разрешать должен именно он, но ввиду нечеткости законодательных установлений возникает неопределенность в действиях.

Таким образом, в уголовно-процессуальном законодательстве остается немало требующих разрешения проблем, всплывающих изо дня в день. Однако, в том числе и благодаря позициям КС РФ, можно с уверенностью говорить о том, что многие антиномии будут преодолены. Ведь не случайно Н. С. Бондарь неоднократно отмечал, что «Конституционный Суд — больше, чем суд» [12, с. 12] и то, что КС РФ является «квазиправотворческим органом» [13, с. 75].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. 2.
2. Уголовно-процессуальное право / отв. ред. П. А. Лупинская. 3-е изд., пер. и доп. М.: Норма. 2013. 1008 с.
3. Порцева О. Б. Подсудность уголовных дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004.
4. Дикарев И. С. Подследственность в уголовном процессе: вопросы теории и законодательной регламентации // Журнал российского права. — 2020. — № 4. — С. 113–125.

5. Курс уголовного процесса / под ред. д. ю. н., проф. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут. 2017. 653 с.
6. Уголовный процесс: учебник / под ред. В. П. Божьева. М., 1998.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 09.11.2018 № 39-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 1, частей первой, третьей и четвертой статьи 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. В. Лушников, А. С. Пушкарева и И. С. Пушкарева» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Пупышева Л. А. Феномен подсудности в российском уголовном процессе: проблемы теории и законодательного регулирования // Философия права. — 2021. — № 1 (96). — С. 100–108.
9. Степанова М. А., Царёв Е. В. Проблемы определения места совершения хищения денежных средств с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. — 2021. — № 1. — С. 12–16.
10. Постановление КС РФ от 20.07.2012 № 20-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 125 и части первой статьи 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Р. Г. Мишиной» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Бондарь Н. С. Место конституционного правосудия в системе разделения властей // Социология и право. — 2011. — № 11. — С. 5–12.
13. Бондарь Н. С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда как источников права // Журнал российского права. — 2007. — № 4. — С. 75–85.

Yakovlev-Chernyshev V. A.,

*student, Sochi branch of the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

Academic Supervisor: Rat'kov A. N., *Associate Professor of the Department of Criminal Disciplines,
Sochi Branch of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Cand. Sc. Law, Associate Professor, Sochi, Russia*

THE ROLE OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN APPROPRIATE DETERMINATION OF JURISDICTION AND INVESTIGATIVE AUTHORITY.

The given article focuses on existing approaches to the definition of concepts «jurisdiction» and «investigative authority». The role of the Constitutional Court of the Russian Federation in removing causes for disagreement regarding jurisdiction and investigative authority is evaluated. Arguments in favor of the fact the Constitutional Court of the Russian Federation had a significant effect on institutions of criminal procedural law are adduced.

Key words: the Constitutional Court of the Russian Federation, jurisdiction, investigative authority, constitutional process, criminal procedure.